

- Zhirmunskij V.M. *Goethe v russkoj literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad, 1952.
- Kireevskij I.V. *Polnoe sobranie sochinenij v 2-h tomach. T. 2.* [Kireevskiy's collected works in 2 vols. Vol. 2]. Moskva, 1911.
- Mashkovcev N.G. *Gogol' v krugu hudozhnikov* [Gogol in the circle of artists]. Moskva, 1955.
- Truaia A. *Nikolaj Gogol'* [Nikolai Gogol]. Sankt-Peterburg, 2015.
- Eckermann. J.P. *Razgovory s Goethe v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moskva, 1981.
- Cherepennikova M.S. *Goethe i Italia. Tadicii. Dialog. Sintez* [Goethe and Italy. Traditions. Dialogue. Synthesis]. Moskva, 2006.
- Cherepennikova M.S. *Tradicii literaturnoj gyoteany* [Goethe's Traditions in Literature]. Moskva, 2015.
- Höfer A. Johann Wolfgang von Goethe. München, 1999.

List of sources

- Goethe J.W. *Sobranie sochinenij v 10-ti tomach* [Goethe's collected works in 10 vols.]. Moskva, 1980.
- Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij v 14-ti tomach* [Gogol's collected works in 14 vols.]. Moskva, 1952.
- Gogol' N.V. *Sochineniya* [Gogol's writings]. Moskva, 1909.
- Goethes Werke in 12 Bänden. Bd. 4. Berlin/Weimar, 1981.

БУДДИСТСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭЗИИ И.Ф. АННЕНСКОГО

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова

Ключевые слова: асемантичность, амбивалентность, шуньята, сансара, просветление, медитация.

Keywords: non-semantic meaning, ambivalence, shunyata, samsara, enlightenment, meditation.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-02

Введение

Российская традиция исследования поэтического языка обременена странным правилом – у отечественных поэтов практически в обязательном порядке принято выявлять христианские мотивы и реализации христианских идей. Теперь их ищут с таким же усердием и находят с таким же успехом, как ещё

двадцать лет тому назад обнаруживали черты откровенного атеизма. При этом негласно предполагается, что чем поэт больше, тем чаще он отражает христианские догматы.

Между тем очевидно противоположное: чем поэт больше, тем универсальнее он аккумулирует мировой опыт, в котором христианство значительная, но только страница. Особенно беспомощно выглядит ограничение христианскими идеями художников, которые открыто декларировали свои далеко не христианские идеологические установки. К их числу принадлежит И. Анненский, который характером своих исследовательских и эстетических поисков был чётко ориентирован на дохристианские системы ценностей. Его художественные открытия определяли поиски античных идеалов и осмысления констант буддийского миропонимания.

Ассимиляция буддизма посредством литературных форм периодически попадает в поле зрения аналитиков. В качестве примеров можно привести исследования А. Руокко [Руокко, 2011], Р.Ф. Бекметова [Бекметов, 2015], Г.А. Сорокиной [Сорокина, 2016], Т.В. Бернюкевич [Бернюкевич, 2016], А.А. Шунейко и О.В. Чибисовой [Шунейко, Чибисова, 2018]. Они обсуждают исторические и литературные аспекты буддийской темы и подчеркивают ценность эпохи, атмосфера которой из-за кризиса официального Православия была наполнена интересом к Востоку, который в России не ослабевает и сейчас.

Тесная и неслучайная связь И. Анненского с буддизмом имеет ряд прямых и косвенных подтверждений.

В автобиографии, помещённой С.А. Венгеровым в Словаре в 1903 году, И. Анненский написал: «<...> с 3-го курса особенно много занимался санскритом и сравнительным языкознанием у покойного И.П. Минаева» [Критико-биографический словарь, 1904, с. 342]. По свидетельству Б.В. Варнеке, И.П. Минаев был одним из двух профессоров, которых И. Анненский называл своими учителями, под его руководством он работал, о нем «он постоянно отзывался с особым благоговением» [Варнеке, URL].

Профессор Императорского Петербургского университета Иван Павлович Минаев (1840–1890) был санскритологом, индологом и одним из первых в России и крупнейшим исследователем буддизма [Булич, 1898]. Он переводил и издавал буддийские памятники, опубликовал несколько работ, положивших начало отечественной буддологии. Именно от этого человека И. Анненский получил глубокие знания о буддизме и интерес к

нему, который, судя по особенностям творческих реализаций, не пропал на протяжении всей жизни.

Стихотворение И. Анненского «Буддийская месса в Париже» не раз привлекало внимание исследователей [Дугаров, 2015; Руокко, 2011]. Оно – прямое свидетельство того, что и через 8 лет после смерти учителя (то есть в 1898 году, когда поэт присутствовал на богослужении в музее Гимё), и через 16 (то есть в 1906 году, когда он впервые опубликовал текст в сборнике «Северная речь») интерес к буддизму не пропал, а его восприятие оставалось исполненным благоговейного восхищения, граничащего с экзальтированным почитанием. То есть на протяжении всей жизни, начиная с университетской скамьи, И. Анненский оставался латентным последователем буддийских доктрин, человеком, который, так или иначе, примерял их к собственной судьбе, характеру мировидения и творчеству.

Некоторые характеристики С. Маковского прямо указывают на то, что характер самосознания И. Анненского был далек от христианского и близок буддийскому: *«Он желал быть «эготистом» (по его собственному признанию), замкнутым в себе созерцателем внутреннего мира, утверждающим красоту слова, как самоцель, «гипнотизером» (по его же определению), внушающим образы, которые возникают независимо от правды моральных запросов живой человеческой личности»* [Маковский, 1955, с. 249]. *«Запомнился мне разговор на религиозную тему, происходивший в 1909 году втроем с Вячеславом Ивановым и Иннокентием Анненским (неверующим, религиозной мистики не признающим)»* [Маковский, 1955, с. 283].

В своих критических текстах И. Анненский неоднократно формулирует установки, дублирующие буддийские максимы. Например, константа, предполагающая тождественность личностного начала и мира (всё во мне и я во всём), формулируется так: *«<...> я, которое жадно ищет впиться в себя этот мир и стать им, делая его собой <...>»* (Анненский, 1979, с. 206)¹; *«<...> я, которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем <...>»* (Анненский, 1979, с. 102).

Буддийский взгляд на мир и его личностное восприятие, преломлённое в действиях и продуктах творчества, предполагает, что актуальным для восприятия является исключительно настоящее

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

время и тот сегмент пространства, в котором человек в данный момент находится. Именно такой характер включения в мир видел Н. Гумилёв в поэзии И. Анненского: «Он любит исключительно “сегодня” и исключительно “здесь”» (Гумилев, 1990. с. 508).

Цель и методы

Целью данного исследования является установление переключек поэтических текстов И.Ф. Анненского с Аватамсака сутрой (Сутрой о величии цветка), одной из авторитетнейших сутр Восточноазиатского буддизма, которую некоторые исследователи считают «*the most sublime revelation of the Buddha's teachings*» (самым возвышенным откровением учения Будды)¹ [Encyclopaedia Britannica, URL]. Эта книга является концентрацией буддийских представлений о базовых понятиях, составляющих квинтэссенцию их мифа.

Предмет анализа – семантические комплексы в стихотворениях поэта, напрямую коррелирующие с буддистскими представлениями об общих существенных свойствах и отношениях предметов и явлений объективной действительности. На первом этапе исследования было доказано, что И.Ф. Анненский владел информацией, связанной с доктринами буддизма. На втором этапе с помощью сплошной выборки был выявлен список стихотворений, содержащих семантические комплексы, коррелирующие с буддизмом. Он намеренно воспроизводится в тексте статьи, чтобы служить ориентиром для тех исследователей, которые изучают творчество И.Ф. Анненского в аспекте влияния на него религиозного и философского учения буддизма.

Среди подобных стихотворений: «∞», «Andante», «Decrescendo», «Его», «Notturmo», «“Race” Статуя мира», «Бабочка газа», «Бессонница ребёнка», «Будильник», «В море любви», «Весенний романс», «Двойник», «Дети», «Дремотность Сонет», «Ель моя, елинка», «За оградой», «Зимние лилии», «Зимний поезд», «Из Бальмонта», «К моему портрету», «Когда б не смерть, а забытьё...», «К портрету», «К портрету Достоевского», «Кэк-уок на цимбалах», «Л.И. Микулич», «Лира часов», «Листы», «Май», «Миражи», «Молот и искры», «Мой стих», «Моя Тоска», «(Музыка отдаленной шарманки)», «Мухи как мысли (памяти Апухтина)», «Не могу понять, не знаю...», «Невозможно», «Ненужные строфы», «Но для меня свершился выдел...», «Ноша жизни светла и легка мне...», «О нет, не стан», «Ореанда», «Первый фортепьянный сонет», «Петербург», «Поэзия.

¹ Здесь и далее перевод наш.

Сонет», «Поэту», «Просвет», «С кровати (Моей *garde-malade**)» «Сила господняя с нами...», «Сон и нет», «Спутнице», «Струя резеды в тёмном вагоне», «Старая шарманка», «То было на Валлен-Коски», «Тоска кануна», «Тоска маятника», «Тоска медленных капель», «Тоска мимолётности», «Тоска миража», «Третий мучительный сонет Строфы» «Ты опять со мной», «У Св. Стефана», «Человек *Сонет*», «Я люблю», «Январская сказка» и другие.

На третьем этапе исследования с помощью семантического, коммуникативного и интертекстуального анализа в перечисленных стихотворениях были установлены константы, актуальные для буддизма: асемантичность (пустота) слов, номинаций и языковых форм; амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов; санскрита шуньята или пустота обусловленного, колесо сансары, перерождения; просветление; срединные состояния медитативного типа и одухотворённость мира. В соответствии с этими константами были классифицированы выявленные семантические комплексы. Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным подробно проанализировать их все, в качестве примеров реминисценции буддизма показаны только те, которые укладываются в общую схему. Во всех этих случаях главным верифицирующим фактором являлся контекст употребления той или иной единицы. В данном случае под «языковой единицей» понимается широкий диапазон языковых средств: от слова до целого текста.

Амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов

В восприятии буддизма любые объекты, которые в материальном плане мыслятся человеком как противоположные, тождественны друг другу, сливаются в единство в точках своего наибольшего противостояния, представляют собой на самом деле нечто третье, включающее в себя контрарные характеристики, уничтожающие друг друга. «*One world system enters all, / And all completely enter one; / Their substances and characteristics remain as before, no different (Одна вселенная входит во все остальные, а все вселенные целиком умещаются в одной; при этом их суть и характеристики остаются неизменными)*» [Cleary, 1993, p.215]. В европейской традиции формально аналогичное явление называется амбивалентностью (или в частных случаях – оксюморон, энантиосемия). Для Анненского среди амбивалентных объектов наиболее актуальны: бог и тленность, буря и штиль, веселье и тоска, вечность и миг, встреча и разлука, закат и рассвет, знание и незнание, материальное и духовное, мягкий свет и

мучительный огонь, покой и мука, просвет и гряды, сад и лес, сон и бодрствование, Я и Не-я.

В стихотворении «Зимний поезд» **закат** тождественен **рассвету**: *«Но таеет ночь... И дряхл и сед, / Еще вчера Закат осенний, / Приподнимается Рассвет / С одра его томившей Тени»*. В стихотворении «Спутнице» представлена амбивалентность в квадрате: закат является зарёй, которая воспринимается как мёртвая и существующая в незакатном мире, то есть там, где не может быть ни заката, ни рассвета. То есть противоположности тождественны и существуют и не существуют одновременно *«В твоих глазах упрека нет: / Ты туч закатных догоранье / И сизо-розовый отсвет / Встречаешь, как воспоминанье. / Но я тоски не поборю: / В пустыне выжженного неба / Я вижу мертвую зарю / Из незакатного Эреба»*. Закат и рассвет выступают единым целым, которое в череде неостановимых превращений демонстрирует свои различные лики. Поэт прямо фиксирует не закат или рассвет, а дхарму заката-рассвета.

Тождественность **вечности** и **мига** реализуется в стихотворении «“Раса” Статуя мира»: *«О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам / За равнодушие к обидам и годам»*. Словосочетание «вечность отдам» указывает на наличие у вечности границ, которые в каноническом восприятии объекта отсутствуют.

Тождественность **«Я»** и **«Не-я»** («вы» и «мы», «ты» и «не-ты») воплощается различными способами. Через прямые номинации, как в стихотворениях: «Двойник»: *«Не я, и не он, и не ты, / И то же, что я, и не то же: / Так были мы где-то похожи, / Что наши смешались черты»*; «Поэту»: *«<...> Но в самом Я от глаз Не Я / Ты никуда уйти не можешь»*; «Молот и искры»: *«<...> Я люблю или нет... Не горит ореол / И горит – это ты и не ты <...>»*; «Петербург»: *«Я не знаю, где вы и где мы, / Только знаю, что крепко мы слиты»*; «Andante»: *«И странно, – как сближает нас со всем тем, что не-мы, эта туманная ночь <...>»*. Через приписывание противоположных взаимоисключающих характеристик, как в стихотворении «Листы», где отсутствие у «Я» начала и конца отрицает возможность использования местоимения применительно к конкретному лицу: *«И нет конца и нет начала / Тебе, тоскующее я?»*.

Крайней позицией воплощения вектора, заданного тождественностью «Я» и «Не-я», является отождествление «Я» и всего мира, реализующее известную буддийскую максиму «я во всем и всё во мне». Именно такое отождествление присутствует в стихотворении «Когда б не смерть, а забытьё...». Важно, что «Я»

часто попадает в контексты, связанные с колесом сансары и перерождениями, как в стихотворении «Май».

В текстах тождественность всех этих разнообразных и относящихся к различным тематическим полям единиц создаётся за счёт того, что семантическое окружение перераспределяет их смыслы таким образом, что количество одинаковых превышает количество различных. Единицам приписываются такие компоненты семантики, которые полностью нивелируют дифференциальные признаки их прямых номинаций.

Тождественность мнимо противоположных объектов тесно связана с двумя иными константами буддийского миропонимания: асемантической (пустотой) слов и одним из четырёх пониманий пустоты в более широком смысле – санскрита шуньятой.

Санскрита шуньята или пустота обусловленного

Шуньята обозначает отсутствие собственной природы вещей, так как они относительны, обусловлены и взаимозависимы, то есть имеют значение лишь в контексте всех своих связей. Таким образом, весь материальный мир по своей сути своей обманен, ложен и иллюзорен. «*Things have no true reality; / Because of wrongly grasping them as real / Do ordinary people therefore / Revolve in the prison of birth and death* (Предметы не имеют истинной реальности; из-за ошибочного восприятия их как реальных обычные люди вращаются в тюрьме рождения и смерти)» [Cleary, 1993, p. 375]. Для буддистов пустота является логически закономерным состоянием действительности, поскольку, в конечном счете, любая конкретная вещь это совсем не то, за что ее принимают. Реализация шуньяты сознанием буддиста считается оптимальным способом познания окружающего мира, приводящим его к освобождению (нирване).

Санскрита шуньята получает в текстах различные наименования, объединённые инвариантным значением, подчёркивающим иллюзорность и мнимость окружающего материального мира. В стихотворении «Листы» это «обман бытия»: «*Иль над обманом бытия / Творца велье не звучало <...>*». В стихотворении «Поэзия. Сонет» это «мир – мираж»: «*В пустыне мира зыбко-жгучей, / Где мир – мираж, влюбилась ты / В неразрешенность разнозвучий / И в беспокойные цветы*». В стихотворении «Тоска миража» это «безумная сказка»: «*Что надо, безумная сказка, / От этого сердца тебе?*». В стихотворении «Л.И. Микулич» это «великолепье небылицы»: «*<...> Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой*». В стихотворении «Но для

меня свершился выдел...» это «миражи»: «*Среди миражей не устану / Его искать – он нужен мне <...>*».

Во всех этих стихотворениях реальный мир наделяется характеристиками, которые подчёркивают его иллюзорность. «Обман бытия», «мираж», «безумная сказка», «великолепье небылицы» – это контекстуальные синонимы, которые в рамках художественного целого и в контексте творчества не просто противопоставляют или сравнивают материю и иллюзию (вымысел, сказку), а приписывают материи черты иллюзии. То есть окружающая лирического героя реальность характеризуется им через призму буддийских представлений о реальности, которые отрицают саму возможность наличия у реальности черт действительного постоянства. В стихах Анненского, как и в буддизме, реальность – иллюзия, эфемерность которой – её единственное действительное настоящее качество.

Колесо сансары, перерождения

Колесо сансары – постоянное чередование однотипных состояний (рождений и смертей). «*The reason for suffering in the past / Over countless eons / revolving within birth and death / is due to not hearing the name of Buddha (Бесконечный круговорот от рождения до смерти в течение бесчисленных эонов происходит от того, что люди не слышали имени Будды)*» [Cleary, 1993, p. 380].

«Безысходный круг», о котором идет речь в «Тоске миража», по сути то же колесо сансары: «*В тоске безысходного круга / Влачусь я постылым путем <...>*». Путь этот «постылый», то есть давно надоевший и вызывающий отвращение, потому что согласно буддийским представлениям, люди, не познавшие и не принявшие учения Будды, угнетены во всех состояниях существования и нет никого, кто бы мог их спасти. Их спасение через практику добродетели и мудрости зависит только от них самих. Тогда они смогут превзойти мир, в котором находились до этого, и достичь вечной жизни в новом мире, полном непомраченного счастья и вечного блаженства: «*К нему прильнув из полутьмы, / В минутном млеет позлащеньи / Тот мир, которым были мы... / Иль будем, в вечном превращеньи?*».

Для Анненского характерна трансляция представлений о сансаре через уравнивание характеристик человека и механизма. Оно реализовано во множестве текстов: «Будильник», «Лирические часы», «Старая шарманка», «Тоска маятника», «Тоска медленных капель», «Человек Сонет», «Бессонница ребёнка». Это глубокая и верная аналогия, потому что сансара, как и действие механизма,

продолжительна, но не вечна, обусловлена внешней по отношению к конкретным проявлениям силой, но может быть преодолена изнутри. В этом же контексте находится и отождествление человеческой жизни и повторяющегося музыкального произведения «Кэк-уок на цимбалах»: «Молоточки налетают, / Мало в точки попадают, / Мах да мах, / Жизни... ах, / Как и не бывало».

Кроме человека и иных объектов («Когда б не смерть, а забытьё...») в колесо сансары включены художественные тексты. Стихотворение «Мой стих» фиксирует восприятие текста как самостоятельного, независимого от автора феномена, который многократно рождается и умирает в поисках оптимального воплощения.

Перерождение наделяется чертами амбивалентности. С одной стороны, это явление, существование которого безусловно признаётся, как в стихотворении «Май», с другой – оно рисуется как желаемое состояние, то есть оставляющее сомнение в своей бытийственности, как в стихотворении «(Музыка отдаленной шарманки)»: «Если б заснуть, / Но не навеки, / Если б заснуть / Так, чтобы после проснуться». В одних случаях оно оценивается нейтрально («Май», «Старая шарманка»), в других – негативно («Человек Сонет»), в третьих – позитивно «(Музыка отдаленной шарманки)». Таким образом, в целом перерождение одновременно есть и его нет, оно благостно и желанно, отвратительно и отторгаемо.

Следует подчеркнуть, что оценочное разнообразие, которым сопровождаются семантические комплексы, фиксирующие колесо сансары, противопоставлено оценочной однородности иных единиц. Это напрямую связано с тем, что мир разнообразных оценок совмещён именно с миром реальной жизни. Характерно, что на бытовом уровне бесконечная цикличная повторяемость устойчиво ассоциируется именно с шарманкой, которая и в общеязыковом плане воспринимается именно так: ср. устойчивое выражение *опять завёл свою шарманку*.

Просветление – это выход за границы колеса сансары. Просветленные существа «*can, in an instant's time, / Show miracles everywhere: / Truly awakening at the site of enlightenment / And turning the wheel of truth* (могут в один миг / показать чудеса повсюду: / они пробудились в нирване / и повернули колесо правды)» [Cleary, 1993, p. 166].

Поэт об этом упоминает неоднократно: «Дорогой на скалу, где грезит крест литой / Над просветленную страданьем красотой»

(«Ореанда»); «Нет, им не суждены краса и просветленье <...>» («Третий мучительный сонет *Строфы*»).

К просветлению приводит победа над собственными желаниями, поскольку «*Indulgence is an enemy, a torment and a pain – / It's not the immortal way, but the path of birth and death (Потворство своим желаниям – это враг, мучение и боль человека. Это не дорога бессмертного, а тропа от рождения до смерти)*» [Cleary, 1993, p. 362]. Именно об этом говорит Анненский в стихотворении «Ель моя, елинка», где отождествляет свою жизнь с жизнью ели: «*Жить-то, жить-то будем / На завидки людям, / И не надо свадьбы. / Только – не желать бы, / Да еще – не помнить, / Да еще – не думать*».

Прямые номинации в соединении с описательными конструкциями во всех контекстах выступают в качестве обозначения особого типа желанного финального состояния, которого крайне сложно достигнуть.

Серединные состояния медитативного типа

«*Thus do enlightening beings comprehend origination – / Like illusion, unreal, without knowing or doing, / Like a dream, like a reflection, void of intrinsic being, / like the mirage of the ignorant and deluded (Взаимозависимое происхождение просветленные существа понимают как иллюзию, нереальность без знания или действия, как сон, как отражение, лишённое внутренней сущности, как мираж неведжественных и обманутых)*» [Cleary, 1993, p. 752].

У И. Анненского много стихотворений содержат описание серединного состояния медитативного типа: «Весенний романс», «Дремотность *Сонет*», «Миражи», «Не могу понять, не знаю...», «Сила господняя с нами, / Снами измучен я, снами...», «Сон и нет». В стихотворении «Его» показано взаимодействие медитации с описанными выше объектами в их актуальных для буддизма качествах: «*Когда же сном объята голова, / Читаю грез я повесть небылую, / Сгоревших книг забытые слова / В туманном сне я трепетно целую*».

В этих состояниях границы между материальными и ментальными объектами стираются, а мир воспринимается в приближенном к его действительному состоянию виде, предполагающему, помимо прочего, что он полностью одухотворён.

Одухотворённость мира

Весь мир одухотворён, различные формы сознания воплощаются не только в людях, но и в иных объектах природы. Следовательно, все находящиеся в мире объекты заслуживают

такого же отношения, что и люди. *«Once the world comes to be, / All beings receive its benefits – / Living on the earth, in the water, in the sky, / Two-legged, four-legged, all receive benefit (Как только создается мир, все существа получают свои блага, живущие на земле, в воде, в небе, двуногие, четвероногие, все священные)»* [Cleary, 1993, p. 983].

Именно это представление воплощено в текстах «Ноша жизни светла и легка мне...»: «<...> Мне тумана, покрывшего стекла / И слезами разнятого, жалко»; «То было на Валлен-Коски»: «<...> Что сердцу обида куклы / Обиды своей жалчей»; «За оградой»: «Иль за белую стеной / Страшно травам в час ночной?..»; «У Св. Стефана»: «Но смотрят загибы калош / С тех пор на меня, как живые».

Логика предложенного выше описания базируется на текстовых воплощениях и построена исходя из соображений, отражающих приоритеты западного рационализма. Но можно выстроить и иную, более правильную логику, отражающую иерархию констант буддийского учения. Тогда получится, что существенный пласт поэтического наследия автора реализует единую модель.

Лирический герой постоянно находится в срединных состояниях медитативного типа или периодически погружается в них, помещает себя на грань сна и яви. Здесь он с обострённым художественным видением мира чёткостью воспринимает Сансара шуньяту в её многочисленных ипостасях. Наиболее актуальными из них для него являются: одухотворённость различных форм материи, выражающаяся через амбивалентность мнимо тождественных объектов дхарм, пустота слов, колесо сансары. Выход из замкнутого круга он видит в просветлении. Достигнуть его можно благодаря отказу от желаний.

Дискуссия

Нельзя закрывать глаза на то, что возможны другие интерпретации рассмотренных в данной публикации семантических комплексов. Их реальное или потенциальное наличие связано с рядом факторов. Основной из них – это исчислимость основных сюжетов, мотивов и образов, используемых в мировой культуре. Ко второму относится высокая степень вероятности случайных, но кажущихся достоверными соответствий между не связанными друг с другом единицами. Далее следует зависимость истолкования сообщения от ситуации, которая может изменить его смысл и функцию. Особенности поэтического текста также осложняют

интерпретацию, к ним относятся стремление к многозначности и малая мера избыточности информации, увеличивающие энтропию. Все вместе перечисленные выше факторы продуцируют множественность интерпретаций стихотворения, связанных с фоновыми знаниями интерпретирующего текст человека.

Предложим несколько возможных вариантов интерпретаций.

1. Амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов – общая черта поэзии начала XX века.

2. Константа, предполагающая тождественность личного начала и мира (всё во мне и я во всём), – составляющая религиозно-философского воззрения пантеизм.

3. Тождественность материального и духовного, одухотворённость мира опирается на олицетворение как общий принцип поэтического языка, имеющий архаическую природу.

Механизм контекстного подтверждения, позволяющий снять эту неоднозначность, способствует преодолению ситуаций подобного типа [Шунейко, Чибисова, 2019]. Согласно ему, в первую очередь следует выяснить, обладает ли И.Ф. Анненский реальными знаниями буддизма. Ответ на вопрос будет утвердительным, так как данный факт подтверждается нами и рядом других исследователей. *«Увлечение Востоком, буддизмом <..> пронизывало культуру России конца XIX – начала XX века. Восток вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других»* [Сорокина, 2016, с. 167]. *«В творчестве известных писателей и поэтов (Л. Толстого, И. Бунина, В. Хлебникова, К. Бальмонта, И. Анненского, М. Волошина и др.) мы видим отражение буддийских мотивов, образов, устроений, присутствие буддийских реминисценций»* [Бернюкевич, 2016, с. 57]. *«Из сказанного следует реактивность <...> музыки Рахманинова на увлечение тем Востоком и “китайщиной”, откровенным рупором которых были М. Волошин, И. Анненский»* [Лю, 2014, с. 93].

Следующим этапом является выборка в анализируемых стихотворениях языковых единиц, соотносимых с буддизмом. Важно, что сам по себе факт наличия единиц, вызывающих ассоциации с буддизмом, малозначим, какими бы правомерными ни казались эти ассоциации вне контекстного подтверждения. Необходимо проследить, существует ли между ними достаточно четко формализуемая связь, выражаемая в виде неоднократного повтора сходных примеров до отношений пересечения и взаимного дополнения.

Проделав данную работу, авторы могут утверждать, что поэзия И.Ф. Анненского содержит буддийские реминисценции, поскольку контекст и семантические связи препятствуют рассмотрению совокупности этих единиц иначе, чем в отношении к буддизму.

Это проникающая и организующая всё творчество модель, раскрывающая нам содержание множества текстов, является существенной, но не единственной для поэта. Об этом следует помнить. Сам поэт в своем стихотворении «Он и я» об этом говорил так: «Я, как настройщик, все лады / Перебираю осторожно». Для нас знаменательно то, что, передавая буддийские представления и отсылая к ним читателя, И. Анненский делает это с прибавлением эстетически значимых смыслов, то есть, по сути, занимается мифотворческим конструированием.

Литература

Бернюкевич Т.В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11. № 3.

Булич С. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1898. Т. II.

Варнеке Б.В. И.Ф. Анненский. [Электронный ресурс]. URL: <http://annensky.lib.ru/names/varneke/necrolog.pdf>.

Дугаров Д. Кто такой «базальтовый монгол»? (к истории написания стихотворения И. Анненского «Буддийская месса в Париже») // Всероссийская научно-практическая конференция «Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь – творчество – эпоха». СПб., 2015.

Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904.

Лю Б. Китайский вклад в модерн-авангард Европы // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2014. № 4.

Сорокина Г.А. «Китайские» стихотворения Е.И. Васильевой – литературные связи и влияния // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 4. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

Cleary T. The Flower Ornament Scripture. A Translation of the Avatamsaka Sutra. Shambhala, Boston & London. 1993.

Bekmetov R.F. About the «Buddhist View» on Russian Literature. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 3.

Encyclopaedia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Avatamsaka-sutra>.

Ruocco Adele Di. The Buddhist World in Modern Russian Culture (1873-1919): Literature and Visual Arts. [Электронный ресурс]. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll127/id/475242>.

Shuneyko A.A., Chibisova O.V. The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). DOI: 10/29025/2079-6021-2018-4(32)-156-163

Shuneyko A., Chibisova O. The Mechanism of Contextual Confirmation of the Symbol in the Cinema Language // Медиаобразование. 2019. № 1. DOI: 10.13187/me.2019.1.123

Список источников

- Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979.
 Гумилев Н.С. Золотое сердце России: сочинения. Кишинев, 1990.

References

- Bernyukevich T.V. *Retsepsiya buddizma v Rossii i voprosy stanovleniya rossiyskoy kul'tury* [The Reception of Buddhism in Russia and the Formation of Russian Culture]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Transbaikal State University]. 2016. Vol. 11. No. 3.
- Bulich S. *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley imp. S.-Peterburgskogo universiteta* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial St. Petersburg University]. Vol. II. Sankt-Peterburg, 1898.
- Varneke, B.V. *I.F. Annenskij* [I.F. Annensky].
 URL: <http://annensky.lib.ru/names/varneke/necrolog.pdf> (accessed 10.04.2019).
- Dugarov B.C. Kto takoj «bazal'tovyj mongol»? (K istorii napisaniya stikhotvoreniya I. Annenskogo «Buddijskaya messa v Parizhe» [Who is «a basaltic Mongol»? (to the history of writing I. Annensky's poem «Buddhist Mass in Paris»)]. *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Innokenty Annensky (1855-1909): zhizn' – tvorchestvo – ehpokha»* [All-Russian scientific-practical conference «Innokenty Annensky (1855-1909): life – creativity – era»]. Sankt-Peterburg, 2015.
- Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh. [Critical and biographical dictionary of Russian writers and scholars]. Sankt-Peterburg, 1904.
- Liu B. *Kitayskiy vklad v modern-avangard Yevropy* [The Chinese Contribution to the Modern Avant-Garde of Europe]. *Visnik Nacional'noi akademii kerivnih kadrov kul'turi i mistectv* [Bulletin of the National Academy of Culture and Arts]. 2014. No. 4.
- Sorokina G.A. «Kitayskiye» stikhotvoreniya Ye.I. Vasil'yevoy – literaturnyye svyazi i vliyaniya [«Chinese» poems E.I. Vasilyeva – literary connections and influences]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Russian Philology]. 2016. No. 4. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174
- Makovsky S.K. *Portrety sovremennikov* [Portraits of contemporaries]. New York, 1955.
- Cleary T. *The Flower Ornament Scripture A Translation of the Avatamsaka Sutra*. Shambhala, Boston & London. 1993.
- Bekmetov R.F. About the «Buddhist View» on Russian Literature. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 3.
- Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Avatamsaka-sutra> (accessed 10.04.2019).
- Ruocco Adele Di The Buddhist World in Modern Russian Culture (1873-1919): Literature and Visual Arts. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll127/id/475242> (accessed 10.04.2019).
- Shuneyko A.A., Chibisova O.V. The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018. No. 4 (32). DOI: 10/29025/2079-6021-2018-4(32)-156-163
- Shuneyko A., Chibisova O. The Mechanism of Contextual Confirmation of the Symbol in the Cinema Language. *Media Education*. 2019. No.1. P. 123-134. DOI: 10.13187/me.2019.1.123

List of sources

Annensky I.F. *Knigi otrazhenij* [Books of Reflections]. Moskva, 1979.

Gumilyov N.S. *Zolotoye serdtse Rossii: sochineniya* [The Golden Heart of Russia: writings]. Kishinev, 1990.

«МОРОЖЕННО!» СОЛНЦЕ...» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ АНАЛИЗА АКМЕИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.В. Тырышкина

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, акмеизм, «плотность формы», анализ лирического текста.

Keywords: O.E. Mandelstam, acmeism, «density of structure», lyrical text analysis.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-03

*“Мороженоно!” Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарею
В молочные Альпы, мечтанье летит.*

*Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть -
И в тесной беседке, средь пыльных акаций,
Принять благосклонно от булочных граций
В затейливой чашечке хрупкую снедь.*

*Подруга шарманки появится вдруг,
Бродячего ледника пестрая крышка -
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.*

*И боги не ведают - что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой,
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.
1914*